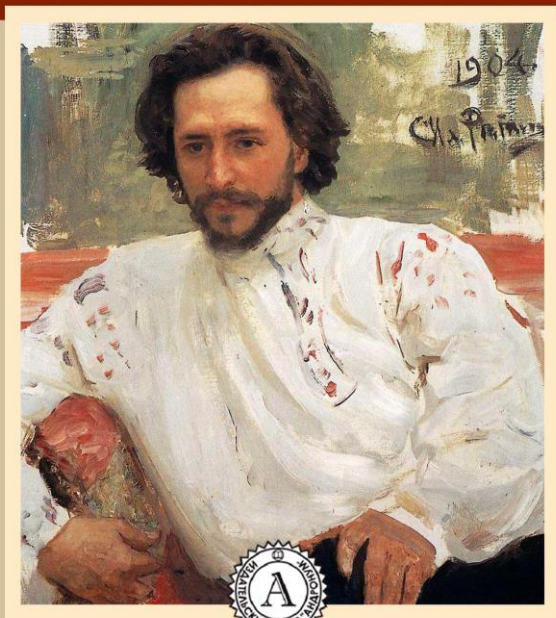

ЛЕОНИД АНДРЕЕВ

КОРОЛЬ, ЗАКОН
И СВОБОДА

*«Король, закон и свобода» — произведение представителя Серебряного века русской литературы, родоначальника русского экспрессионизма Л. Н. Андреева (1871–1919). ****

Тема этой драмы (1914) — начало Первой мировой войны. Кайзеровская Германия захватила Бельгию. «Король, закон и свобода» — слова из бельгийского национального гимна. Мирная семья, живущая на вилле, не верит сообщениям, что на их страну напали, что происходит варварское насилие, горят библиотеки, разрушаются соборы... Но постепенно и их вилла погружается в хаос войны. Однако в момент отчаяния приходит решение о сопротивлении захватчикам.

Перу Андреева принадлежат и такие произведения: «Собачий вальс», «Милые призраки», «Мысль», «Смерть человека», «Не убий».

Леонид Николаевич Андреев

Король, закон и свобода¹

Действующие лица

Граф Клермон .

Эмиль Грелье — знаменитый бельгийский писатель.

Жанна — его жена.

Пьер , Морис — его сыновья.

Лагард — министр.

Генерал-адъютант гр. Клермона .

Безумная девушка.

Франсуа — садовник.

Генриетта , Сильвина — слуги Грелье.

Командующий германской армией в Бельгии.

Фон-Блюменфельд .

Фон-Ритцау , Фон-Штейн , Фон-Шаусс — офицеры штаба.

Клетц — военный инженер.

¹ *Король, закон и свобода* (название) — слова из бельгийского национального гимна (ср. более точную цитату в самом тексте пьесы: «...Лишь ореол искусств венчает — закон, свободу, короля!»).

Циглер — военный телеграфист.

Грейдер .

Германский офицер .

Бельгийский крестьянин .

Шофер-бельгиец .

Первая картина

Действие происходит в Бельгии, в начале войны 1914 года. На сцене уголок сада при вилле знаменитого бельгийского писателя Эмиля Грелье. Вдали, за вершинами невысоких деревьев, за каменной оградой, которая отделяет владение Грелье от соседних садов, — вдали рисуются в мягких полутонах красные крыши городка, ратуша, старинная церковь. Там уже знают о войне, там уже звонит беспокойно набатный колокол, а здесь в саду все еще мир и благодатная тишина молчаливо рождающей земли. Небольшой, образцово содержимый питомник; на грядках и куртинах тяжелые от запаха и красоты головы цветов; цветущие кусты. Угол оранжереи; стеклянные рамы полуоткрыты, и в свежей глубине покоятся солнечные пятна, вырезают светом экзотику пальмовых листьев, сгущают до темноты темноты влажную зелень глубоких фонов. Солнце светит мягко, в воздухе синеватый туман теплого и тихого дня, и все краски

благородно смягчены; только на передних планах резко красочны гармоничные пятна цветов.

У одной из грядок сидит на корточках и подрезывает розы старый и глухой Франсуа, суровый фламандец с длинными седыми волосами. Во рту потухшая фаянсовая трубка. Франсуа работает и не слышит набата; он один в саду, и ему кажется, что все спокойно и тихо.

Но что-то смутно тревожит его, какой-то неясный зов. Он оглядывается — никого. Мурлычит про себя какую-то песенку без слов и мотива, старческий бессознательный лепет. Вдруг замолкает, выпрямляется с ножницами в руках и снова оглядывается.

Франсуа. Кто меня звал?

Нет никого. Глядит на оранжерею, — ему кажется, что теперь оттуда его зовут.

Я слышу, мосье Эмиль. Я здесь.

Нет никого. Франсуа хмурится и сердито окликает.

Кто меня звал? — Нет никого. (Оглядывает небо, цветы и спокойно присаживается для работы.) А говорят, что я глухой. А я слышал, как

кто-то окликнул меня дважды: Франсуа! Франсуа!
Нет, это кровь шумит в ушах.

Молчание. Но непонятная тревога не стихает, и Франсуа снова прислушивается, скрывая это с хитростью глухих, которые не любят своей глухоты.

А я до сих пор слышу, как кто-то кричал: Франсуа! Ну вот и Франсуа, а кому надо, тот может еще позвать. Я не побегу. А птиц я давно не слышу, замолчали птицы для меня. Глупости это: птицы. Ну и глухой... вы думаете, что я от этого заплачу? *(Кривит в насмешливую улыбку старческий рот.)* А мои глаза? Да, вот это да. А глаза! Отчего ты все молчишь, Франсуа? А зачем я буду говорить, когда я не слышу вашего глупого ответа. Глупости это: говорить и слушать. А вижу я столько, сколько ты не услышишь. *(Смеется.)* Да. Вот этих я вижу. Эти тоже не болтают, а наклонись к нему, и ты узнаешь столько, сколько не знал и Соломон. Так и в Библии сказано: Соломон. Для тебя вся земля — шум и болтовня, а для меня она, как Мадонна в цветах на картинке. Иисус-Мария! — как Мадонна в цветах.

Набат продолжается. Издали молодой голос кричит: папа! папа! Потом: Франсуа! От дома

показывается быстро идущий юноша лет семнадцати, младший сын Грелье, зовут его Морис. Еще раз громко окликает Франсуа, но тот не слышит. Наконец кричит над самым ухом.

Морис. Франсуа, да что же ты! Я тебя зову, зову... Ты не видал, где папá?

Франсуа *(спокойно, не оборачиваясь)*. Это ты звал меня, Морис? Я давно слышу.

Морис. Слышу, а не отзываешься! Какой ты упрямый. Ты не видал, где папá. Я его везде ищу! ну скорее же! Где папá?

Франсуа. Папá?

Морис *(кричит)*. Где папá? Ты не видал? Сильвина говорит, что пошел в оранжерею. Слышишь?

Франсуа. В оранжерее его нет. Утром мосье Эмиль говорил со мной, а с тех пор я его не видал. Нет.

Морис. Как же быть!.. А какой набат! Франсуа, что это будет, ты слышишь, как звонят?

Франсуа. А! слышу. Ты будешь брать розы, мальчик?

Морис. Ты ничего не понимаешь, с тобой невыносимо. По улицам уже бегут, все бегут туда, а папá нет. Я тоже сейчас побегу туда, может быть, он уже там. Какой день!

Франсуа. Кто бегут?

Морис. Ты ничего не понимаешь! *(Кричит.)*
Они вошли в Бельгию!

Франсуа. Кто вошли в Бельгию?

Морис. Они же, пруссаки. Пойми же ты: война! Война! Ты только представь себе, что это будет. Пьеру надо идти, и я тоже пойду. Я ни за что не останусь!

Франсуа *(выпрямляется, роняет ножницы)*
. Война? Что ты городишь, мальчишка! Кто вошли в Бельгию?

Морис. Они же, пруссаки! Пьер теперь пойдет, и мне надо идти, я ни за что не останусь, понимаешь? И что будет теперь с Бельгией, трудно представить! Они вчера вошли в Бельгию, — ты понимаешь, какие это негодяи!

Вдали, на тесных улочках города, тревожный звук шагов и колес, постепенно быстро растущий. Отдельные голоса и вскрики смешиваются в сдержанный, но полный значительности, тревоги и угрозы, широкий гул. Набат то стихает устало, те повышает свой призыв почти до крика. Тщетно старается услышать что-нибудь Франсуа; и снова сердито берется за ножницы.

Франсуа!

Франсуа (*сурово*) . Глупости все это. Что ты говоришь, мальчишка! Войны нет, этого не может быть.

Морис. Сам ты глупый старик! Они вошли, понимаешь — уже, уже!

Франсуа. Это неправда.

Морис. Почему неправда?

Франсуа. Потому что этого не может быть. Газеты пишут глупости, и все с ума сошли. Глупцы, и больше ничего, сумасшедшие. Какие пруссаки? Мальчишка, ты не смеешь так шутить надо мной.

Морис. Да послушай же ты...

Франсуа. Пруссаки!.. Какие еще пруссаки? Я не знаю никаких пруссаков и не хочу их знать.

Морис. Да пойми же ты, старик, что они стреляют уже в Льеже².

Франсуа. Нет!

Морис. Уже многих убили — ах, какой ты! Ты слышишь набат? Народ на площади, все бегут туда, плачут женщины. Что это?

Франсуа (*сердито*). Ты топчешь грядку, отойди!

² ...они стреляют уже в Льеже. — Осада сильно укрепленных фортов Льежа — главного препятствия на пути германской армии продолжалась с 4 по 16 августа 1914 г.

Морис. Оставь меня!.. Отчего они так закричали? Там что-нибудь случилось!

Вдали военный рожок, крики толпы, минутами усиливающиеся почти до рева. Где-то в стороне неясные звуки бельгийского гимна, мотива почти не слышно; угадывается только ритм. Вдруг молчание, злоеющее после крика, и одинокий звон колокола.

Теперь молчат... Что же это?

Франсуа. Глупости, глупости... *(В ярости.)*
Ты опять топчешь грядку! Уходи! Все с ума сошли — ступай, ступай! Пруссаки!..

Морис. Это ты с ума сошел!

Франсуа. Мне семьдесят лет, а ты говоришь: пруссаки. Ступай!

Там снова крик толпы. От дома бежит горничная Сильвина, издали окликает: мосье Морис!

Сильвина. Пожалуйста домой. Мадам Жанна вас зовут, мадам уходит, идите! Морис. А папа? Сильвина. Его еще нет. Идите!

Оба идут. Франсуа сердито присаживается у грядки.

Морис. Нет, вы понимаете, Сильвина, — он не верит, что война!

Сильвина. Мне очень страшно, мосье Морис. Я боюсь...

Уходят. Франсуа гневно смотрит им вслед, опускает фартук и делает вид, что хочет работать.

Франсуа. Сумасшедшие! Мне семьдесят лет, да. Мне семьдесят лет, а они хотят, чтобы я поверил в пруссаков. Глупости, с ума сошли. Пруссаки... Но это правда, что я ничего не слышу. Иисус-Мария! *(Встает и тщетно прислушивается.)* Нет, ничего. Или что-нибудь? — ах, черт побери, я ничего не слышу! Не может быть. Нет... нет, не может быть. А если?.. Но разве я могу поверить, чтобы в этом тихом небе — в этом тихом небе... Что?

Грозный шум войны растет. Франсуа снова прислушивается и что-то слышит. Лицо его становится осмысленным, глаза приобретают выражение страха и разрешаемого страшного вопроса. Он переходит с места на место, наклоня голову и ловя ускользящие звуки. Вдруг далеко отбрасывает ножницы и всем видом своим,

раскрытым старческим ртом, поднятыми руками и бледностью выражает ужас.

Я слышу! — Нет, нет, опять ничего. О Боже мой, да дай же мне услышать!

Снова ускользают звуки, и снова он мучительно ловит их наклоненной головой, вытянутой шеей. Волоса его растрепались, он сам становится страшен, не зная этого. Вдруг чудом воли ясно слышит и полный отчаяния, мятущийся звон колокола и голоса — и отступает, подняв руки.

Боже мой! Они звонят! Они кричат! Война! Какая война? Какая война? Эй, кто там — война!

Набат и крики растут. Быстро идет по дорожке Эмиль Грелье.

Эмиль Грелье. Вы что кричите, Франсуа? Где Морис? В доме никого.

Франсуа. Война.

Эмиль Грелье. Да, да, война. Пруссаки вошли в Бельгию. Но вы ничего не слышите.

Франсуа (*мучительно лова звуки*). Я слышу, слышу. Убивают?

Эмиль Грелье . Да, убивают. Пруссаки вошли в Бельгию. Где Морис?

Франсуа. Но, мосье Эмиль, но, мосье — какие же пруссаки? Простите меня, мне семьдесят лет, и я давно ничего не слышу... *(Плачет.)* Это война?

Эмиль Грелье. Да, по-видимому, это война. Я сам еще не понимаю. Но там уже дрались. Я сам еще не понимаю, но это война, старик.

Франсуа. Говорите, говорите, мосье, вам я верю, как Богу. Говорите, я слышу. Убивают?

Эмиль Грелье. Война! Какой это ужас, Франсуа! Очень трудно понять — да, очень, очень трудно понять.

Хмурится и нервно потирает высокий, бледный лоб.

Франсуа *(плачет, сгорбившись и покачивая головой)*. А цветы наши? А цветы наши?

Эмиль Грелье *(рассеянно)*. Цветы? Не плачьте, Франсуа... ах, что это там!..

Набат смолк. *Разноголосый крик толпы переходит в стройный, широкий и согласный шум: там кого-то приветствуют или что-то объявили.*

(Вслушиваясь.) Постойте! Там ждали короля, он проезжает к Льежу... Да, да!

Там полное молчание — и вдруг громоподобный рев. Вот он переходит в песню: толпа поет бельгийский гимн.

Занавес

Вторая картина

Приемная комната (холл) в вилле Эмиля Грелье. Все красиво и своеобразно, много воздуха, света и цветов. Большие раскрытые окна, за которыми зелень сада и цветущих кустов. Одно из окон небольшое, почти сплошь закрыто листьями разросшегося винограда.

В комнате двое: Эмиль Грелье и его старший сын Пьер, красивый, несколько излишне бледный и хрупкий молодой человек, одет в военную форму. Медленно ходят по комнате; Пьеру, видимо, хочется ходить быстрее, но из уважения к отцу он замедляет шаги.

Эмиль Грелье. Сколько километров?

Пьер. До Тирлемона километров двадцать пять — тридцать. И здесь...

Эмиль Грелье. Семьдесят четыре или пять...

Пьер. Семьдесят пять... да, километров сто. Недалеко, папа.

Эмиль Грелье. Недалеко. Я вчера слушал ночью. Мне показалось, что слышна канонада.

Пьер. Нет, едва ли.

Эмиль Грелье. Да, я ошибся. Но лучи прожекторов *все* же видны; вероятно, очень сильные прожекторы. И мама видела.

Пьер. Да? У тебя опять бессонница, папа?

Эмиль Грелье. Нет, я сплю. Сто километров... сто километров...

Молчание. *Пьер внимательно сбоку смотрит на отца.*

Пьер. Папа!

Эмиль Грелье. Да? Тебе еще рано. Пьер, — до твоего поезда три часа. Я слежу за временем.

Пьер. Я знаю, папа. Нет, я о другом... Папа, скажи, ты еще надеешься на что-нибудь?

Молчание.

Я не решаюсь, мне немного неловко высказываться в твоём присутствии, ты настолько умнее и выше меня, отец... Да, да, пустяки,

конечно, но то, что я узнал за эти дни в армии, оно — видишь ли... не оставляет надежды. Они идут такой сплошной массой людей, железа, машин, орудий, коней, — что остановить их нет возможности. Мне кажется, что сейсмографы должны отмечать то место, по которому они проходят: так давят они на землю. А нас так мало!

Эмиль Грелье. Да, нас очень мало.

Пьер. Очень, очень мало, папа! Ужасно мало! Если бы мы даже были бессмертны и неуязвимы, если бы мы убивали их день и ночь, то и тогда мы скорее упадем от изнеможения и усталости, нежели остановим их. Но мы смертны... и у них ужасные орудия, папа! Ты молчишь? Ты думаешь о нашем Морисе... я сделал тебе больно?

Эмиль Грелье. В их движении мало человеческого. — О Морисе ты также не думай, он будет жив. — У человека есть лицо, Пьер. У каждого человека есть свое лицо, но там нет лиц. Когда я стараюсь представить их, я вижу только огни прожекторов, автомобили, вот эти ужасные орудия, — и что-то идет, что-то идет. И еще эти пошлые усы Вильгельма, — но ведь это маска, неподвижная маска, которая четверть века стоит над Европой... что за нею? Эти пошлые усы — и вдруг столько несчастья, столько крови и разрушения! Нет, это маска.

Пьер (*почти про себя*) . Если бы не так много их, не так много... Мне самому кажется, папа, что Морис останется жив. Он счастливый мальчик. А мама что думает?

Эмиль Грелье. Мама что думает?

Входит Франсуа и угрюмо, ни на кого не глядя и не кланяясь, начинает поливать цветы, поправлять их.

А что думает вот этот? Посмотри на него.

Пьер. Он совсем плохо слышит, Франсуа!

Эмиль Грелье. Я не знаю, слышит он что-нибудь или нет. Однажды он слышал. Но он молчит, Пьер, и с бешенством отрицает войну, отрицает ее работой — один он работает в саду так, как будто ничего не случилось. Наш дом полон беглецов, все в доме и мама хлопочут, кормят их, моют детей — мама моет, — он как будто не видит ничего. Отрицает! Теперь он разрывается от натуги, стараюсь услышать или догадаться, о чем мы говорим, но видишь, какое у него лицо! А если ты попробуешь заговорить с ним, он уйдет.

Пьер. Франсуа!

Эмиль Грелье. Оставь его, ему хочется быть хитрым. Может быть, он и слышит... Ты спрашиваешь, что думает мама, — а разве я знаю и кто-нибудь знает? Ты видишь, что ее здесь нет, а

ведь это твои последние часы в этом доме... да, в этом доме, я про дом говорю. Она так же молода и решительна, как всегда, она так же сильно движется и так же ясна, но ее нет. Просто ее нет, Пьер.

Пьер. Она скрывает?

Эмиль Грелье. Нет, она ничего не скрывает, но она ушла в такую глубину себя, где все молчание и тайна. Она переживает все свое материнство, с самого начала, понимаешь? — когда вы с Морисом еще не родились, но при этом она хитрит, как и Франсуа. Иногда я ясно вижу, что она страдает нестерпимо, что она полна ужаса перед войной... но она улыбается в ответ, и тогда я вижу другое: что в ней вдруг ожила какая-то доисторическая женщина, та, что подавала мужу боевую палицу... Но, погоди, опять идут солдаты!

Вдали военная музыка. Приближается.

Пьер. Да, по расписанию это девятый полк, Эмиль Грелье. Послушаем, Пьер. Я несколько раз в день слышу эту музыку. Там, направо, начинается и вон там затихает. Вое там.

Слушают.

Но они молодцы!

Пьер. Да.

Оба у окна внимательно слушают; Франсуа искоса смотрит на них и также тщетно старается что-нибудь услышать. Приблизившись, музыка начинает стихать.

Эмиль Грелье (*отходя от окна*). Вчера они играли марсельезу. Но они молодцы!

Быстро входит жена Эмиля Грелье.

Жанна. Вы слышите? Как красиво! Даже наши беглецы улыбнулись, слушая. — Эмиль, я принесла телеграммы, вот, Я уже прочла.

Эмиль Грелье. Ну что же ты! Давай!

Читая, оцупью находит кресло, садится. Бледнеет.

Пьер. Ну что, папá?

Эмиль Грелье. Читай!

Пьер читает через плечо отца. С загадочным выражением смотрит на них женщина. Сидит, закинув все еще красивую, крупную голову совсем спокойно. Эмиль Грелье быстро встает, и оба с сыном начинают ходить в различных направлениях по комнате.